

Вадим Месяц



Месяц Вадим Геннадьевич родился в 1964 г. в Томске. Закончил Томский государственный университет, кандидат физико-математических наук. Жил в Свердловске. С 1992 г. жил в США. Был координатором русско-американской культурной программы при Стивенс-колледже (Хобокен, штат Нью-Джерси). Редактировал «Антологию современной американской поэзии» (совместно с А. Драгомощенко, 1996) и антологию современной русской поэзии «Crossing Centuries: The New Generation in Russian Poetry» (совместно с Джоном Хаем и др., 2000). Переводил поэзию с английского (Дилан Томас, Эдуард Фостер и др.). Публикует стихи с 1992 г., прозу с 1993 г. Лауреат премии им. Бажова (2002, роман «Лечение электричеством»). Лауреат премии имени Бунина (2005, книга рассказов «Вок-вок»), шорт-лист Букеровской премии (2002, роман «Лечение электричеством»). Участник АСУП-1. Живет в Москве и Минске.

Филологическая маркировка стихов В.М.

Традиции, направления, течения: древний европейский эпос, классицизм, символизм, модернизм, постмодернизм.

Основные имена влияния, переключки: Вяч. Иванов, Б. Пастернак, И. Бродский, О. Чухонцев.

Основные формальные приемы, используемые автором: нарративность, балладность, детализация, лироэпичность, иронизм, аллюзии и реминисценции, ретроспекция, кадрирование, полиинтенциональность, психологизм, метатекстовость, стереоскопичность, остранение.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: мифология, религия, история, холод, зима, смерть и бессмертие, демиургизм, движение, размеренность, слава, страна и народ, иррациональное, люди и боги, память, этническая и ментальная тематика, родовые связи, вещь и вещество, язычество, античность, зрение, называние и означивание, космизм, стихии, природный ритм, гул.

Творческая стратегия: установление бытийно-смыслового целокупного единства путем воссоздания и модификации мифологического сознания и художественной логики европейского эпоса.

Коэффициент присутствия: 0,6

АВТОБИОГРАФИЯ

1.

Родился в Томске, в семье молодых ученых, 8 августа 1964 года. Раннее детство провел с мамой, потом оставался с бабушкой, приехавшим после выхода на пенсию в Сибирь из далекого забайкальского поселка Хапчеранга. Пока родители писали диссертации и основывали научные школы, занимался с ним поиском кладов, строительством воздушных шаров, рыбной ловлей и подготовкой к возрождению Третьего Рима, который впоследствии назвал Норумбегой. Дедушка Александр Трифонович Машуков (по родному отцу – Кухарчук) познал в жизни едва ли не все человеческие ремесла, кроме алхимического. Говорил, что рыбацкие сети научился вязать, глядя на мастера. Чинить будильники тоже. Он считал, что нужно быть внимательным. В ранней молодости был контрабандистом (ходил в Китай за искусственными розами), в юности стал пограничником, потом – шофером. Служил в разных организациях на разных видах транспорта. На финской войне оказался пулеметчиком: финский снайпер прострелил ему обшлага полушубка, когда он прикуривал ночью в окопе. Впоследствии, в середине 90-х, я вынес благодарность народу Финляндии в лице экипажа пьяного финского рейса Нью-Йорк–Хельсинки за свое появление на свет: благодарность была радушно принята.

Дед участвовал во всех войнах, выпавших на долю нашей страны в середине прошлого столетия: Хасан, Халхин-Гол, финская кампания, Великая Отечественная... На последней служил механиком при самолетах, но был разжалован, когда выяснилось, что поставлял солидол для солдат-мародеров, занимавшихся кражей свиней у польского крестьянства. Ребята смазывали стекла хлебов этим маслом, и окна выдавливались без звона. Когда потери свиной живности стали ощутимы, хуторяне пожаловались советскому начальству. Дед пересел на грузовик, на котором и доехал до Берлина (и, кажется, Праги). Охотничьи и рыболовные рассказы (например, через него, спящего в лесу, однажды переступил сохатый, и он, пробудившись, увидел над собой темное звериное брюхо) мешались с чтением книг про Робинзона Крузо и Незнайку на Луне. Дедушка знакомился

с художественной литературой впервые – и реагировал на нее с детской непосредственностью, как и я. Также он обладал неутолимым интересом к наукам. Я знаю, что дед выращивал гомункулов в лошадиных желудках, видимо, по рецептам Парацельса. Однажды, спустившись в подвал нашего дома, я обнаружил в кладовке нескольких полусонных мальчиков, лежавших на нарах для посуды. Они были пересыпаны золотистой пудрой и как две капли воды похожи на меня. Общения не состоялось – мальчики очень хотели спать. Больше я их не видел. Думаю, они были унесены летающей тарелкой, которую наблюдал весь наш студенческий городок долгим зимним вечером в начале 70-х. Я выносил мусорное ведро и шел к помойке, располагавшейся у душистых окон женской душевой в общежитии. Вдруг небо осветилось, и по нему плавно перетек из конца в конец светящийся диск размером с небольшую планету. Было светло, как днем. Студенты ликовали и чуть было не устроили ультралевой переворот. Все обошлось... В нашем студенческом городке люди тянулись к знаниям, а не к потрясениям. Если к этому привыкаешь, то навсегда. Я и сейчас поселился в наукограде – Пушкино-на-Оке, который к тому же является экологической жемчужиной Подмоскovie.

Сейчас трудно установить все траектории перемещений деда Саши по жизни: ареалом его обитания были Север, Дальний Восток, Западная Сибирь. С бабушкой он познакомился в Тынде, увез ее на грузовике в иную тьмутаракань; по дороге фанерный чемодан, привязанный в кузове, раскрылся, и приданое рассыпалось по таежным дорогам. Мама Нина родилась на золотых рудниках в Алдане, Вадик и Люся в Омске, Любушка в Читинской области. Особо меня интригует сейчас, что в воспоминаниях деда часто слышались слова Даурия, Зелентуй, Борзя, Яблонный хребет... Места боевой славы атамана Семенова и барона Унгерна... К сожалению, на эти темы мы поговорить не успели.

2.

Другой дедушка, Андрей Романович Месяц, попал на Дальний Восток не по своей воле. В Сибирь их семья переехала из Украины добровольно во время столыпинского переселения: они получили надел земли где-то под Новониколаевском (с Болотное) и вскоре стали – в терминах коллективизации – кулаками. Жену взял из чалдонок, чем навлек гнев родителей. По воспоминаниям бабушки страстей было много (они немного передаются в «Лечении электричеством»). Сибирь, по моему ощущению, заселена преимущественно украинцами и казаками: и половина тех, и тех по обеим линиям – во мне, кстати, мирно уживаются. Деда Андрея посадили по КРПД с поражением в 37-м,



Прадед Михаил Феоктистович Михайлов, отец моей чалдонской бабушки Анны

уже после того, как отца Романа сослали в Нарым. Невзирая на запрет, дедушка забрал отца к себе (в Нарыме тому не нравилось) в Яшкино, но арестован был не за это, а по ложному доносу. В эшелоне до Владивостока дед Андрей смог консолидировать ребят из Кемерово: шахтеры – народ крепкий. Когда начались разборки с блатными, кемеровские под его руководством взяли верх. По его собственному свидетельству, дед огрел кого-то из криминальных авторитетов жердью, выдернутой из забора, чем добился всеобщего уважения и длительного «мирного сосуществования». Станция Угольная... станция Угловая... Вторая речка... Названия по молодости я слышал, но с Мандельштамом не ассоциировал. Дедушка побывал в нескольких пересыльных лагерях под Владиком, уехал строить БАМ (который во время войны ему же пришлось разбирать на металл). На лесоповале помог бежать земляку по фамилии Орел, за что был переведен в штрафную колонну. Рассказывал мне обо всем свободно, не смущался – перестройка у нас в семье началась лет на десять раньше.

Во Владивостоке я пока что был дважды. Один раз нелегально, в советское время. Второй раз – пару лет назад. Когда уезжал первый раз, зашел в больницу попрощаться с дедушкой. Он возмутился моему решению и велел не выпендривать-



Прадед Роман Месяц с семьей

ся, а следовать курсу партии и правительства. Во Владик мы добрались на перекладных, после чего несколько вечеров слушали в ресторане песню «Ах, белый теплоход» в исполнении моего друга. Все обошлось. Как всегда. Во второй раз песни на крайней точке Транссиба пел я сам, приехав с делегацией литераторов. Я привез камушки с могилы Иосифа Бродского и оставил их у памятника Мандельштаму. Последние годы я занят этим ритуалом нешуточно: соединить камни священных мест, куда ступала нога пророков, познакомиться ушедших поэтов и писателей посредством таких вот невозможных перемещений кажется мне поэзией, способной изменить мир. Ведь этого быть не могло? Значит, в ноосфере что-то должно сдвинуться в лучшую сторону. Я делаю это осторожно, вдумчиво, внимательно. Я надеюсь, что это так.

Срок дедушка досиживал в Республике Коми, где строил железную дорогу до Ленинграда, имел семью с какой-то неизвестной нам турчанкой (он сам так ее называл), родил с нею двух сыновей (тоже неплохая интрига). Вернулся в Белово (Кемеровской области), устроился на производство, открыл подземный кожевенный завод, чтобы выбраться из нищеты... Семья выжила. Хотя, мне кажется, баба Нюра нормально справлялась и сама: многие из родни отзываются о ней, как о родной матери... В результате Юля, Толик и мой отец Геннадий вышли в люди, прожили правильную жизнь; батюшка так вовсе дослужился до самых что ни есть зияющих высот.

Дед Машуков умер перед моим окончанием школы, дед Месяц – перед окончанием университета.

Мужики были жизнерадостные: первый, уже парализованный, изо всех сил пытался перечитать «Робинзона Крузо» (мама часто сидела с ним, заново учила алфавиту), второй плясал камаринскую незадолго до смерти (медицинские бутылочки раскачивались в такт танцу). Он играл на гармонии, сочинял смешные матерные куплеты. Если таланты передаются через поколение, то способности рассказчика у меня от первого дедушки, а умение рифмовать от второго. Бабки Анна Петровна и Анна Михайловна, деды Александр Трифонович и Андрей Романович упокоились в Западной Сибири – и, наверное, только ту землю, где похоронены твои предки, ты можешь считать своей.

3.

В 1986 году я закончил физфак Томского государственного университета, по настоянию отца поступил в аспирантуру и получил научную степень. Профессию филолога отец считал зыбкой, ненадежной, а в мои писательские таланты не очень верил. К тому времени он стал академиком, и его перевели в Уральский научный центр. Мы получили там квартиру и переехали в Свердловск, где с подачи Майи Петровны Никулиной в 1987 году состоялась моя первая стихотворная публикация в журнале «Урал». Вскоре город стал мне родным. Компания, собиравшаяся на кухнях Майи Петровны и Константина Николаевича Мамаева или на «нехорошей квартире» Жени Касимова, оказалась отличной «творческой лабораторией». Я и сейчас дорожу дружбой с Майей Петровной, Юрием Казариным или Игорем

Богдановым больше, чем с «международными знаменитостями». Первый поэтический сборник «Календарь вспоминальщика» вышел в «Советском писателе» в 1992 году, под занавес Советского Союза – без символики. К моменту выхода книжки я закончил повесть «Ветер с конфетной фабрики», где утверждал, что конфеты – теперь единственная основа нашей утраченной советской государственности. В начале девяностых казалось, что «Сникерс» победит «Мишку на Севере». Не победил. И вообще, впереди у нас много самых неожиданных побед. Я так думаю.

4.

С 1992 года я преимущественно находился в США, куда приехал к подруге в столицу Южной Каролины город Колумбию, где обрел «вторую родину», крестился и приобщился к «консервативным ценностям Конфедеративного Юга» (почти не шутка). К этому времени привычка жить в нескольких городах стала нормой. Я перемещался между Томском и Свердловском, Свердловском и Москвой, а когда получил работу под Нью-Йорком, стал кататься с Севера на Юг США. Когда подруга обосновалась в Юте – в список вошел и Солт-Лейк Сити. Ойкумена забавная: американский Юг, американский Север, Новая Мексика (я провёл там несколько месяцев), полуфранцузский Мидвест (Миссури), мормонская Юта... Сибирь, Урал. Москва – мимоходом, всегда проездом. Не знаю, случайно ли, но я почему-то избирал для жизни почвы, практически лишённые серьёзного культурного слоя, что, возможно, не давало т.н. цивилизации дозвониться над моим творчеством). С «апофеозом беспочвенности» в сердце я написал ещё несколько сборников стихов и рассказов, а также роман «Лечение электричеством», который наши критики по недоразумению приняли за эмигрантский. Безбашенность, счастливая бессмысленность жизни, уверенность в собственной интуитивной правоте. Д. Бавильский отнес эту книжку к «школе уральского постмодернизма». Меня это определение очень устраивает.

В Нью-Джерси я прожил пять с половиной лет. Сначала в Хобокене, потом – в Джерси Сити. Работал. Работа давала возможность приглашать в США российских литераторов: почти все поэты горбачевско-ельцинского призыва побывали в нашем Стивенсе. Результатом нашей совместной деятельности с американским поэтом Эдом Фостером стали две большие антологии – русской и американской поэзии: хорошие получились книжки, объёмные. Были и маленькие сборники. Я рад, что мы издали Ивана Жданова на английском, а потом (когда я вернулся в РФ) – и на русском.

В 1998 году я женился на гражданке Беларуси Ирине Конниковой, которая приехала на заработ-



Родители отца

ки в США и устроилась нянечкой у моей хорошей знакомой. В свадебное путешествие поехал в родную Южную Каролину: впрочем, туда (Чарльстон и Хантинг Айленд) мы стали ездить каждый год, рисуя на окне заднего вида «Just married» (на радость байкерам и дорожным полицейским). В



Отец школьник



Родители молодожёны



Мама со мною

Манхэттене супруга овладела несколькими профессиями: официанта, повара, переводчика в адвокатской конторе. Когда работала в аптеке на кассе, имела возможность читать местную прессу (меня и моих друзей в те времена нюансы политики не интересовали). Бомбардировки Белграда не стали для нее такой шокирующей новостью, как для меня. «Товарищи по рассеянию» говорили: «Дали наши вашим прикурить». Я стал внимательнее. В самый разгар боевых действий оказался в Норфолке на конференции у физиков. Мои друзья детства, покровители, ветераны науки и военно-промышленного комплекса, к которым я относился как к очередным дедушкам (Арт Гензер, Джим Томпсон, Магн Кристиансен) опустили глаза при виде нас с отцом. Лишь молодой татарин из Альбукерке Идл Шамиль-оглы вещал мне что-то абстрактное о слезинке албанского ребенка. Мы плыли на прогулочном катере мимо главной военно-морской базы Атлантического флота ВМС США (75 кораблей, в том числе 5 авианосцев). Вскоре Артур умер, Джим, кажется, развелся (что одно и то же), а Крис стал нанимать русских в качестве интеллектуальной рабочей силы. Может, сейчас хоть что-то изменилось?

Именно в те времена (стояла весна, солнечная погода) Ласточка (жена) сообщила, что Всемирный торговый центр (мы жили через реку напротив) скоро будет снесен с лица Земли – и нам отсюда нужно уматывать, к тому же атмосфера бандитского Нью-Джерси не пришлась ей по душе. Мы переехали на Лонг-Айленд, поближе к океану. Сначала в Сентер Моричес (еврейское место), потом в Мэстик Ширли (латинское). Здесь, на Южном побережье, через несколько лет Ласточка стала нью-йоркским брокером по недвижимости. Наш дом в Ширли, сад, бассейн, близость бескрайних пляжей на Смит Пойнт, по которым можно ездить на внедорожнике до «самого конца света», продолжали привлекать моих творческих друзей. Деревья в Ласточкином саду посвяща-

лись приезжавшим поэтам и художникам, фестивальная деятельность продолжалась, хотя для денег мы занимались недвижимостью, что описано в романе «Правило Марко Поло». Эта фантазия на тему черной (негритянки) Лолиты носила этнографическо-подробный характер из-за того, что у нас через семь лет брака родились дети: двойняшки Тема и Варя. Я не мог придумать ничего лучшего, чем описывать то, что вижу вокруг. Аутично. Подробно. Впрочем, Александр Верников увидел в этой книге нечто от Макса Фриша, а какой-то критик из Израиля обнаружил явление нового Сарояна. Спасибо, я старался.

Как городской житель я в Америке не состоялся. Гражданских свобод не вкусил, а вот идею вольного переселения – вполне усвоил. Она и сибирская, и американская. Казачья такая идея. Вольная. И вообще – мы пограничные страны. Один мой товарищ (плотник) ходил в Россию по льду к «сладострастным камчадалкам» и считал, что помог завершить противостояние «холодной» войны.

5.

В 2006 году мы поехали в Россию с женой и детьми показать детей дедушке и бабушке. К тому времени издательство «Русский Гулливер» было юридически оформлено – я стал приезжать в Москву все чаще, заключил договор о совместной деятельности с издательством «Наука». Работали вместе с Александром Давыдовым – писателем, издателем журнала «Комментарии»: до моего приезда успели издать книги поэзии Андрея Таврова и прозы Александра Иличевского. Сейчас ведем проект вместе с поэтом Андреем Тавровым, Катей Перченковой, Валерием Земских, Фараем Леонидовым, Алексеем Ушаковым, Марианной Ионовой... Состав участников проекта меняется, что позволяет сохранять мобильность. Книжки давно делаем самостоятельно, собрали несколько серий – нам интересно.



В.М. и Л. Ваксман в юности

Ловлю себя на мысли: восемь дней назад умер мой друг Аркадий Драгомощенко (мне испуганно и пусто) – я догадался, что в этом очерке нет ни слова о романе с американской поэзией, который тоже у меня был, и Аркадий зримо и незримо в нем присутствовал. Три года назад умер Алексей Парщиков – а ведь название «Русский Гулливер» мы придумывали вместе... Друзей и ровесников ушло много: такое вот поколение. Сибирь моя опустела, Урал, с Божьей помощью, держится... В мае 2010 года, чтоб мы не грустили, Господь подарил нам третьего ребенка – дочь Дарью. Счастливую, жизнеутверждающую. Она и есть – северный Будда Хельвиг, о котором я мечтал в своих стихах с начала двадцать первого века. Она и есть – царь и царица будущей Норумбеги, земной и небесной. И черепаха она подводная, и дева святая, и мультик. Все мы – персонажи мультфильма. Просто разные бывают мультики.

«Головы предков тоже плоды, молчаливые плоды, набирающие силу и горечь запретного вкуса, к которому никому из нас не привыкнуть; и если тоскуешь по этим плодам, то помни: они сами скорее пожрут нас, чем мы пожрем их. Молодое сильнее старого, здоровое – больного, но мертвое,

ставшее живым, мертвым и живым тысячекратно, становится сильнее и молодого и старого. И если ступишь странником на этот берег и разбудишь их своим любопытством, как птицы закричат они, и поднимутся в небо черными стаями, и сведут с ума любого, кто не ведает, зачем он здесь и почему назначена ему эта встреча».

Я пишу стихи, делаю жесты, похожие на стихи, стараюсь помочь людям, похожим на меня. Мне кажется, что в жизни я никогда не принимал решений, а просто тянулся к тому, что казалось мне естественней и роднее. Не знаю, насколько помогали мне маленькие и большие боги, гораздо важнее, что в этом движении мне помогал отец – Месяц Геннадий Андреевич, папа Гена. И еще. Когда мне было четыре года и я болел, мама (мама Нина) принесла мне в тазу снег в квартиру, чтобы я мог лепить из него снежки и компактную снежную бабу. Играть, как ребяташки во дворе. И не завидовать прочим детям. «Пройдет много лет, и полковник Аурелиано Буэндия... вспомнит тот далекий вечер, когда... его взяли... в общем... его привели посмотреть на лед». Понимаешь, к чему я клоню, мамочка?